

ОТЗЫВ

официального оппонента **Рогачевой Наталья Александровны**
о диссертации **Граматчиковой Марии Олеговны** «**Мотивный комплекс
моления о чаше в русской поэзии 1930–1940-х годов**», представленной на
соискание ученой степени кандидата филологических наук по
специальности **10.01.01 Русская литература**

Реконструкция литературного процесса в единстве многих составляющих его компонентов – **актуальная** задача современного литературоведения, хотя ее значимость была осознана еще в 1980-е годы с возвращением огромного слоя литературных фактов, долгое время находившихся за границами интересов отечественного литературоведения. Преодоление гетерогенности русской литературы, исторически разделенной на несколько потоков, порой почти не связанных друг с другом географически и хронологически (относительная самодостаточность литературы метрополии и эмиграции, модернистских течений и официальных, исторических этапов русской культуры XX века), требует построения новых моделей литературной истории и поиска научных оснований для таких моделей.

В диссертации **Марии Олеговны Граматчиковой** успешно и доказательно апробирован один из подходов, позволяющих вести системное изучение разнородного историко-литературного материала. Выбор мотивного комплекса «моления о чаше» соответствует научным задачам работы и ее методологии, начало которой находится в трудах по исторической поэтике **А.Н. Веселовского**, в его теории сюжетов, где говорилось, что каждая эпоха характеризуется собственными предпочтениями в выборе сюжетов и мотивов. Гипотеза **Веселовского** была подтверждена трудами исследователей Сибирского отделения РАН, где на обширном литературном материале прослеживаются как константные, так и вариативные характеристики мотивных комплексов (напомним лишь работу

В.В. Мароши о литературно-нарративном комплексе мотивов, связанных с самосожжением).

Во Введении, основательном и по объему привлекаемых источников, и по продуманности постановки проблем, М.О. Граматчикова выявляет евангельский «комплекс» мотивов моления Христа в Гефсиманском саду, учитывая, что в позднейшей литературной традиции они могут быть представлены как эксплицитно, так и имплицитно. Более того, здесь подчеркивается, что в эпоху «запрета религиозной символики» доминирует именно имплицитная форма мотива. Закономерно, что через всю диссертацию проходит диалог с христианством, уместно и убедительно привлечены толкования священных текстов как в святоотеческой традиции, так и в трудах современных богословов и литературоведов. Пожалуй, остается только один вопрос: почему-то в списке литературы и в ссылках не упомянуты труды Т.А. Кошемчук (в частности: Русская поэзия в контексте православной культуры. М., 2006).

Не слишком удачно беглое упоминание живописных работ, посвященных Гефсиманскому сюжету. При этом необходимость самого контекста мотивирована характером поставленной проблемы: для того чтобы выявить инвариантное значение мотивного комплекса, требуется сопоставление максимально большого числа источников (не только и даже не столько литературно-художественных, сколько находящихся за границами собственно литературы – в психологии, религии, философии, других видах искусства), что и сделано во Введении к диссертации. Тем не менее, ощущение недосказанности все же остается.

Основные аналитические разделы диссертационного исследования организованы по двум принципам: 1) хронологическому, позволяющему увидеть диахронический план мотива; 2) структурному, направленному на выявление вариантов мотивного комплекса в синхронии.

Хронологически исследование охватывает значительную часть истории русской поэзии XX века – от рубежа XIX–XX вв. до начала 1950-х годов. «Нейтральный» взгляд на литературный процесс дает возможность объединить трудно сопоставимые явления: литературу метрополии и эмиграции, творчество поэтов разных направлений, вершинные, классические произведения и стихотворения, находящиеся на границе литературы и фольклора. Последовательно разворачивая историю мотива, автор диссертации связывает его модификации с культурным и социальным контекстом, с трагическими событиями русской истории и биографиями русских поэтов. Такое углубление в пласт повседневности формирует «раму» (А. Компаньон) темы Гефсиманского моления в русской поэзии и позволяет найти ключи для интерпретации составляющих его мотивов и образов.

Первая глава диссертации вмещает существенно большее число поэтических текстов, чем заявлено в заглавии. Поэзия Е. Кузминой-Караваевой, З. Гиппиус, Б. Поплавского, Л. Кобылинского (Эллиса) рассматривается в соотношении с лирикой Серебряного века и классической лирикой XIX века. Такое расширение контекста, в рамках которого истолкованы индивидуально-авторские вариации мотива, относится к достоинствам диссертации. Но оно же приводит к перечислительности в изложении материала (во всяком случае – в первом параграфе главы). Порой важные наблюдения почему-то вынесены в примечания: «В стихотворении «Пророк» моление о чаше вводится в контекст поэтического вдохновения». Насколько можно судить, этот смысловой аспект мотива, которому В. Ходасевич дал такое емкое определение, как «дар тайнослышанья тяжелый», важен для многих поэтов – от Е. Кузминой-Караваевой до Анны Ахматовой.

Не в качестве замечания к диссертации отмечу, что, возможно, в состав мотива входит и иной аспект, связанный с дионисийским, дохристианским, оргиастическим представлением о чаше как даре смертному человеку. На наш взгляд, он обусловил развитие мотива, который был актуализирован в поэзии модернизма и затем оказал влияние на формирование мотивного

комплекса «моления о чаше» в стихах поэтов, переживших эпоху Серебряного века. Так ли это? Не им ли порождена различная модальность стихотворений: от трагедийной и героической до иронической и экзистенциалистской?

Особенно важно (и ново) включение в евангельский контекст антирелигиозных стихотворений советских поэтов, где мотивный комплекс «моления о чаше» относится к отрицаемым (или преодоленным) ценностям. Убедительно проанализированы стихотворения А. Прокофьева и Н. Асеева, где место религии занимает советская идеология жертвенного служения будущим поколениям, родине, технике и т.п. По-новому в этом контексте читается и классическое стихотворение Э. Багрицкого. Существенно, что М.О. Граматчикова последовательно связывает свою интерпретацию мотивного комплекса с внетекстовыми факторами – не только с биографическим опытом авторов, но и с их положением в литературном процессе 1930-40-х годов.

Новизна исследования проявлена и в следующем параграфе, посвященном поэзии ГУЛАГа, где сопоставление с официальной литературой 1930-х годов становится основанием для выявления полярных значений мотива и для вывода о значимости биографического опыта в авторской интерпретации сюжета о гефсиманском борении. Представляется важным наблюдение, что мотивы «моления о чаше» контаминируются с другими библейскими образами – из псалмов Давида, истории Благовещения, молитв Страстной недели. Именно через религиозный контекст намечается переход к третьей главе, посвященной творчеству А. Ахматовой и Б. Пастернака. Возможно, стоило бы учесть, кроме указанных в диссертации, и широко распространенные в русской поэзии переложения 129 псалма *de profundis*, актуальные, на мой взгляд, для поэзии А. Солодовникова.

Существен вывод о разножанровом характере произведений, объединенных комплексом гефсиманских мотивов – от мистерии и духовного стиха до поэмы и цикла стихотворений в романе.

Стихотворения второй главы («Мотивный комплекс моления о чаше в поэзии периода Великой Отечественной войны») объединены, на первый взгляд, внетекстовыми обстоятельствами: хронологией и биографией их создателей. Но параграфы скомпонованы не по биографическому, а по тематическому принципу – от темы смерти/распятия (О. Анстей, О. Берггольц, П. Антокольский) до темы жертвы/самопожертвования (О. Берггольц, Д. Андреев, М. Исаковский) и душевного борения/самопознания (М. Петровых и С. Липкин). Как видно, исследование направлено на решение задачи, о которой говорилось в начале отзыва, – создание системного представления о единстве русской поэзии XX века. По этой главе есть вопрос: нельзя ли уточнить, что подразумевает именно экзистенциальный смысл мотива «моления о чаше», он характерен только для поэзии военных лет или является его постоянным смысловым аспектом?

Для третьей главы, где речь идет о классических произведениях Анны Ахматовой и Бориса Пастернака, вокруг которых сложилась основательная исследовательская традиция, характерен диалог с предшественниками, хорошее знание литературоведческих источников, что позволяет судить о филологической культуре автора диссертации. Оба раздела главы свидетельствуют о глубоком знании евангельского контекста: приведены ссылки на различные евангелия с уточняющими деталями, сравнительный анализ евангельских мотивов, необходимый для понимания и «Реквиема» А. Ахматовой, и «Гефсиманского сада» Б. Пастернака.

Выход за границы канона указывает на проявление сильной авторской воли и высокого художественного таланта, как отмечено в работе М.О. Граматчиковой, что приводит к контрастной структуре мотива в творчестве обоих поэтов. У А. Ахматовой такая структура почеркнута парадоксальностью адресата «моления»: тот, к кому обращена молитва матери, был сам принесен в жертву, моление адресовано не только Отцу, но и Сыну. Другой важный момент мотива обусловлен тем, что лирический субъект поэмы «Реквием» отождествляет себя с земным сосудом страданий,

на которые обречен богочеловек и сын человеческий. Наконец, источником принципиальной незавершенности мотива в «Реквиеме» является двойственность самого лирического субъекта: поэта, получившего «чашу» как дар бессмертия, и матери, земная судьба которой определена в момент Благовещения. Отсюда вопрос: можно ли соотнести трактовку гефсиманского мотива у Анны Ахматовой с иконическим образом Неупиваемой чаши?

В разделе о романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» подчеркнут металитературный характер мотива «моления о чаше». Это положение доказано скрупулезным анализом стихотворений цикла в соотнесенности с эпическим сюжетом романа. М.О. Граматчикова показала, что евангельские мотивы представлены у Пастернака не только на тематическом уровне (реминисценции, цитаты), но и на уровне композиции текста, хронотопа (цикличность как длящаяся страстная неделя), то есть внедрены в поэтику романа и цикла. И если у Ахматовой развернут в комплекс текстов момент «борения», то у Пастернака – момент согласия с волей Творца.

Поэтические варианты евангельского сюжета «моления о чаше», рассмотренные в синхронии, позволили выявить его системный характер, за которым угадывается философское рассуждение Мартина Хайдеггера о чаше: «В подношении чаши для питья пребывают по-своему смертные. В подношении чаши для возлияния пребывают по-своему божества. В подношении чаши пребывают земля и небо. В подношении полной чаши *одновременно* пребывают земля и небо, божества и смертные» («Вещь»). Через все разделы диссертации проводится тезис о типологии мотивов, о наличии ядра (традиционная трактовка – в терминологии М.О. Граматчиковой) и периферии (индивидуально-авторские интерпретации) «гефсиманского» комплекса. Тем самым диссертационное исследование получает внутреннюю завершенность, ту необходимую логику, которая является результатом хронологического анализа обширного материала.

По мысли автора диссертации, центр мотивного комплекса составляют произведения поэтов, связанных с экзистенциальным опытом смертельного испытания, Голгофы: Е. Кузминой-Караваевой, О. Берггольц, поэтов ГУЛАГа. Как видно, все они относятся к различным, условно говоря, идеологическим течениям русской литературы XX века. Индивидуальные трактовки мотива образуют своего рода смысловые оппозиции: например, безблагодатное страдание, богооставленность (чаша без дна у З. Гиппиус) – и героическая жертва не во имя Бога, а во имя социальных, человеческих ценностей (советская поэзия); непомерность жертвы – и ее неизбежность для поэта, обреченного на бессмертие (А. Ахматова).

Теоретическая значимость диссертации заключается в апробации методов системного исследования истории русской поэзии на основании единого мотивно-тематического комплекса. **Научная новизна и достоверность результатов** исследования подтверждены 1) сравнительно-сопоставительным рассмотрением обширного литературного материала, ранее не объединенного в единый контекст; 2) выявлением исторической подвижности комплекса мотивов «моления о чаше» и его семантической структуры; 3) интерпретацией значительного корпуса лирических текстов в русле религиозной традиции.

Замечания по оформлению текста диссертации не принципиальные: есть стилевые погрешности, но они не искажают содержания работы. Вопрос, которые все-таки стоит прояснить, связан с употреблением терминов: как разведены категории «мотив» и «мотивный комплекс»? Думаю, следует уточнить: 1) моление о чаше – комплекс разных мотивов; 2) один мотив, имеющий интертекстуальный характер и потому многозначный, символический?

Автореферат и публикации (в том числе 4 статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ) в полной мере отражают основные

результаты исследования. Диссертация прошла необходимую апробацию на межвузовских, всероссийских и международных конференциях.

Заключение: диссертация «Мотивный комплекс моления о чаше в русской поэзии 1930–1940-х годов» соответствует паспорту научной специальности 10.01.01 – русская литература, отрасли наук – Филологические науки и требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней в УрФУ, а ее автор, Граматчикова Мария Олеговна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Официальный оппонент
Рогачева Наталья Александровна,
доктор филологических наук
по научной специальности 10.01.01 Русская литература,
доцент по кафедре русской литературы,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Института социально-гуманитарных наук
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный
университет»

Pa 3

Н.А. Рогачева

625003 Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, 6. Эл.
адрес: russlit@utmn.ru Тел.: 8 (3452) 59-74-29

20 мая 2021 г.

